

Павлов Михаил Юрьевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» в г. Армавире, г. Армавир

kinpavlov@mail.ru



«Ленинградская группа» и нарушение сталинских принципов власти*

Аннотация. В статье рассматриваются ошибки так называемой ленинградской «антипартийной группы», выразившиеся в чрезмерной политической активности и самостоятельности отдельных ее представителей и вошедшие в диссонанс с жесткими принципами сталинской системы власти.

Ключевые слова: А. А. Кузнецов, П. С. Попков, И. В. Сталин, Г. М. Маленков, «ленинградская группа», самостоятельность, репрессии.

Раздел: (03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.

Политический характер «ленинградского дела» не позволяет отнести его к числу импульсивных решений И. В. Сталина, ставших суровым, но справедливым ответом на вскрытые преступления. Недовольство диктатора представителями «команды» А. А. Жданова нарастало с течением времени. Изменению отношения к руководителям, еще недавно пребывавшим, казалось бы, в сталинском фаворе, «способствовали как объективные причины, связанные с неудачами во внешней политике и необходимостью, по мнению Сталина, ужесточения внутривнутриполитического курса страны, так и субъективные, всецело вытекавшие из особенностей психики вождя» [1]. Именно такая гремучая смесь, обильно подпитываемая борьбой отдельных сталинских соратников за влияние на «хозяина», и предопределила кровавую развязку одной из самых массовых репрессивных кампаний послевоенного времени.

С точки зрения выстроенных Сталиным жестких принципов власти, молодой секретарь ЦК партии Алексей Кузнецов, которого запишут в главные «заговорщики», допустит ряд непростительных ошибок. Почти все они будут связаны с его чрезмерной активностью и самостоятельностью в принятии решений.

Пожалуй, первым тревожным сигналом для «ждановской команды» стало постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», содержавшее открытую критику в отношении руководителей непокоренного города. По мнению А. А. Данилова и А. В. Пыжикова, «на основе этого, казалось бы, сугубо идейно-политического решения Центрального Комитета был отработан формат атаки... на ленинградскую партийную организацию» [2]. 9 августа 1946 г. состоялось заседание Оргбюро ЦК «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», на котором впервые после войны присутствовал Сталин. Из выступления первого секретаря ленинградского обкома и горкома партии П. С. Попкова выяснилось, что с молчаливого согласия А. А. Кузнецова и без соответствующих санкций из центра последний номер журнала «Звезда» вышел под грифом союза ленинградских, а не советских писателей [3]. Так к идеологическим ошибкам будущей «антипартийной группы», выражавшимся в публикации произведений «безыдейных» авторов М. Зощенко и А. Ахматовой, добавился еще и крайне опасный прецедент игнорирования центра.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01227 «Политическая деятельность секретаря ЦК А. А. Кузнецова и уничтожение ленинградской “антипартийной группы” (на материалах ЦА ФСБ России)», руководитель М. Ю. Павлов.

Красноречивый эпизод, описанный одним из участников упомянутого заседания, произошел во время перерыва: «К группе ленинградцев подошли секретарь ЦК по кадрам Алексей Кузнецов, секретари ленинградского горкома, а потом присоединился и Жданов, решивший, видимо, нас подбодрить: “Не теряйтесь, держитесь по-ленинградски, мы не такое выдержали”. В дверях показался Сталин. Видя толпящихся ленинградцев, шутливо удивился: “Чего это ленинградцы жмутся друг к дружке?..” Жданов отошел от нас...» [4]

Менее чем через год после описываемых событий Кузнецов, явно недооценивший ситуацию, в надежде взять частичный реванш, апеллирует к Сталину: «Секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) т. Попков обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой увеличить с 1948 года объем журнала “Звезда” с 12 до 18 печатных листов.

За истекший год в журнале было напечатано несколько значительных литературных произведений. В настоящее время редакция располагает достаточным количеством интересных и содержательных литературных материалов <...> Увеличение объема журнала послужило бы стимулом дальнейшего улучшения его идейного и художественного качества.

Секретариат ЦК считает возможным поддержать просьбу Ленинградского обкома ВКП(б) об увеличении объема журнала “Звезда” до 18 печатных листов.

Просим Вашего согласия» [5]. Сталин ответил категорическим отказом. Проявивший открытую заинтересованность к проблеме секретарь ЦК Кузнецов, следуя логике мнительного вождя, допустил ошибку.

Еще один пример кузнецовской самостоятельности был связан с ведомством, которому Сталин традиционно уделял повышенное внимание. В марте 1948 г., заручившись поддержкой курировавшего МГБ Кузнецова, глава госбезопасности Абакумов организует у себя в министерстве «суд чести». Данная инициатива претворяется в жизнь без предварительных согласований с высшей инстанцией. Поэтому ответом на произошедший инцидент становится жесткая реакция Сталина. Отныне министрам категорически запрещалось проводить «суды чести» над своими работниками без санкции Политбюро.

В части, касающейся проступка провинившихся, постановление Политбюро гласило: «Считать неправильным, что т. Абакумов организовал суд чести над двумя работниками министерства без ведома и согласия Политбюро, что и поставить т. Абакумову на вид. Указать секретарю ЦК т. Кузнецову, что он поступил неправильно, дав т. Абакумову **единолично** (выделено мною. – М. П.) согласие на организацию суда чести над двумя работниками» [6]. Кроме превышения полномочий сам по себе столь плотный контакт секретаря ЦК ВКП(б) с главой органов госбезопасности мог вызвать у Сталина очередной приступ подозрительности. Неслучайно после расправы над «заговорщиками» при анализе агентурных данных против Абакумова выяснится, что последний «дружил с Кузнецовым, они общались в неслужебной обстановке, устраивали семейные вечеринки...» [7]. Описанный эпизод – очередное подтверждение предельно централизованной сталинской власти, не подразумевавшей даже частичной утраты абсолютного диктата.

Должность секретаря ЦК ВКП(б), обязывавшая ее исполнителя безошибочно разбираться в разнообразных нюансах, таила в себе потенциальную угрозу. Характерный случай произошел 25 ноября 1947 г., когда сложные отношения грузин и абхазов ударили рикошетом и по А. А. Кузнецову. В письме на имя секретаря ЦК, жалующаяся на «культурный геноцид» и прочие притеснения со стороны грузин, представители абхазской интеллигенции попытались найти в лице Кузнецова защитника и покрови-

теля. К сожалению, мы не располагаем информацией об ответной реакции на это обращение. Однако сама по себе попытка заручиться поддержкой в столь деликатном вопросе (учитывая фактор Берии, а также происхождение Сталина, который ревностно следил за положением дел на малой родине) представляла для адресата большую опасность.

Кроме того, как секретарю ЦК Кузнецову поневоле приходилось сталкиваться и с решением проблем внешнеполитического характера. Осенью 1948 г., в самый пик обострения берлинского кризиса (июнь 1948 – май 1949 г.), на него возлагается ответственность за подбор и расстановку кадров в Советскую военную администрацию Германии (СВАГ) [8]. Всего в девять отделов требовалось отобрать 452 сотрудника. Из них в аппарате министерств и ведомств СССР – 150, по республикам и областям – 302. Еще 27 человек шли отдельно, по линии Главного политического управления вооруженных сил.

29 октября 1948 г. А. А. Кузнецов отправляет свой первый отчетный доклад о ходе отбора работников для СВАГ на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова. Из него следовало, что по состоянию на 26 октября из министерств и ведомств СССР в отделы ЦК поступил материал лишь на 104 кандидатов при нулевом показателе со стороны республик и областей. С целью проведения тщательной проверки отобранных кадров Кузнецов просит Маленкова продлить сроки работы его комиссии до 19 ноября 1948 г.

Всего с 10 ноября 1948 по 21 января 1949 г. состоялось 13 заседаний комиссии по кадрам для СВАГ. На каждом из них констатировались крайне медленные темпы предоставления материалов отделами ЦК, что неминуемо приводило к постоянному переносу окончательных сроков. По состоянию на 14 декабря из необходимых 452 заявок на рассмотрение комиссии Кузнецова было представлено лишь 290, из которых 278 одобрено. А к 8 января 1949 г. незакрытыми оставались еще 102 позиции [9]. Довести данную работу до логического завершения Алексею Александровичу так и не удалось: уже 28 января он был освобожден от обязанностей секретаря ЦК ВКП(б).

Мы не склонны преувеличивать значимость описанного эпизода в трагической судьбе Кузнецова. Но в то же время нельзя не учитывать ключевую роль германского вопроса в международных делах, а также крайне болезненное восприятие Сталиным любых промахов, связанных с внешней политикой. Обладавший возможностью прямого общения со Сталиным Маленков вполне мог использовать возникшие затруднения в ходе отбора кадров для СВАГ с целью дискредитации ослабленного соперника.

Усугубили положение ленинградских коммунистов многочисленные и далеко не всегда обдуманые обращения в Москву Петра Попкова. Петербургский историк Алиса Амосова считает, что в период блокады «зародился своеобразный “ленинградский стиль управления”, когда руководители города самой жизнью были поставлены в чрезвычайные условия, сплотившие их в одну крепкую команду». В послевоенное время этот стиль получил развитие: «Попков и его подчиненные, обращаясь в Центр, старались осуществлять контакты через бывших ленинградских коллег, негласно считая их “шефами” города, так было проще и удобнее решать текущие вопросы» [10]. Будучи секретарем ЦК, Алексей Кузнецов старался реагировать на разнообразные просьбы ленинградского обкома и горкома партии, обращаясь за разъяснениями в различные министерства.

Так, 7 декабря 1948 г. в письме на имя Кузнецова Попков обрисовывает трудности, возникшие с реконструкцией автодороги Ленинград – Таллин, имевшей исключительное значение в деле развития народного хозяйства Ленинградской области. Отпускавшиеся ежегодно лимиты на капитальное строительство дороги, по мнению

главы Ленинграда, свидетельствовали о взятом курсе на ее консервацию. При сметной стоимости объекта в 244 млн руб. за три с половиной года было освоено только 54 млн, или 22% средств. Рассказав об отсутствии ассигнований на 1949 г. и своих опасениях за «смертвление затраченных 54 миллионов», Попков заключает: «Считая такое положение ненормальным, прошу Вас лично вмешаться в разрешение этого вопроса и дать указание министру внутренних дел Союза ССР т. Круглову о продолжении в 1949 году строительства дороги Ленинград – Таллин с годовым объемом капитальных вложений в размере 15 миллионов рублей». На этом же письме-требовании Кузнецов напишет: «т. Круглову. Прошу рассмотреть просьбу т. Попкова о строительстве дороги Ленинград – Таллин» [11].

Результатом реакций Кузнецова на подобные обращения бывших коллег станут следующие добытые у него во время допросов «признания»: «...мы, чтобы показать свое превосходство и власть, пытались всякими путями давить на союзные министерства, и в ряде случаев нам это удавалось» [12]. На самом же деле руководителей Ленинграда, как, впрочем, и абсолютное большинство управленцев из других регионов страны, главным образом интересовали их ведомственные интересы, а также конечный результат. Именно ради его достижения они были готовы действовать не только по установленным правилам, но и в обход, неформально.

Пожалуй, самым вопиющим фактом, сыгравшим роковую роль в судьбе всей «ленинградской группы», и особенно главы Госплана Н. А. Вознесенского, станет предложенное ему Попковым «шефство» над Ленинградом. Произойдет это осенью 1948 г., вскоре после смерти главного «ленинградца» А. А. Жданова. До появления выбитых под пытками признаний данный факт, о котором Сталин узнает из первых уст еще в январе 1949 г., будет оставаться одним из главных доказательств нарушения устоявшихся принципов власти, игнорирования центра и фракционности.

Биограф Попкова А. А. Амосова утверждает, что в основе этого поступка лежала обычная ревность не чуждого амбиций и честолюбия новоиспеченного главы Ленинграда: «Он отдавал себе отчет в том, что Кузнецов пользовался большим авторитетом среди его подчиненных. Властность и харизматичность предшественника не могли не задевать нового первого секретаря» [13]. В результате отказа Н. А. Вознесенского Петр Сергеевич был вынужден вновь переключиться на Кузнецова.

В связи с этим нельзя не согласиться с О. В. Хлевнюком, считающим, что ряд региональных руководителей, прежде всего ленинградских, пытались найти в Вознесенском и Кузнецове своих покровителей. При этом сам ученый относит подобные действия к «вполне типичным нарушениям» и называет «лишь частным случаем распространенной практики патрон-клиентских отношений в аппарате» [14]. В то же время сохранившиеся архивные документы указывают на многократные апелляции Попкова и к другим секретарям ЦК с различными вопросами, касающимися его «вотчины». Продолжительное время лидером по числу адресованных к нему просьб являлся не Кузнецов, а Жданов.

Также сохранились свидетельства неоднократных обращений Попкова на имя Маленкова и самого Сталина. Чего только стоит его жалоба от 25 октября 1948 г. Маленкову на председателя Госплана СССР Вознесенского, в которой Попков пункт за пунктом указывает на нарушения ведомством Вознесенского большого количества постановлений Совета Министров СССР по Ленинграду [15]. Само существование такого документа перечеркивает все признания «ленинградцев» в покровительстве им со стороны Вознесенского и установленной «групповщины». Или откровенно вызывающее предложение от 20 сентября 1948 г., в котором ленинградский городской комитет просит секретаря ЦК Маленкова рассмотреть вопрос о ликвидации в Ленинграде

«излишних организаций союзного и союзно-республиканского подчинения». В список подлежащих устранению бесполезных «промежуточных звеньев» попали пятьдесят два объекта, принадлежавших двадцати шести министерствам, Академии наук и Центросоюзу [16].

Очередной пример достаточно смелой инициативы, исходившей из Ленинграда, связан с ходатайством перед Сталиным о переименовании Кронштадта в город Стерегущий. Приведем мотивировочную часть письма: «Основанный в начале XVIII столетия Кронштадт неизменно стоит на страже морских границ нашей родины на Балтийском море и морских подступов Ленинграда. Кронштадт сыграл выдающуюся роль в истории революционного движения нашей страны.

Иностранное наименование этого города находится в явном несоответствии с его историей служения родине и революции, с его задачей защиты морских рубежей советской державы» [17]. В данном случае, надеясь поэксплуатировать тему борьбы с низкопоклонством, Лазутин и Попков не учли крайне ревностного, даже болезненного отношения Сталина к разговорам о выдающейся роли Ленинграда и ленинградцев в истории революционного движения страны.

Особняком в ряду дерзких предложений выдвиженцев Жданова стоит просьба главы правительства РСФСР М. И. Родионова о создании Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР, что в дальнейшем позволит следствию обвинить Михаила Ивановича в «великодержавном шовинизме» и причислить его к центральной «группе заговорщиков» [18].

К числу откровенных просчетов вчерашних героев обороны Ленинграда следует относить и их стремление поддерживать не только плотные рабочие контакты, но и дружеские связи с переведенными в Москву «шефами». Только за последние семь месяцев 1946 г. будущие фигуранты «ленинградского дела» побывали в Кремле у вновь назначенного секретаря ЦК А. А. Кузнецова тридцать один раз. Общее же количество представителей города на Неве, прошедших за это время через кабинет бывшего начальника, составило сорок пять человек. Например, П. С. Попков навещал А. А. Кузнецова восемь раз (в разные дни). П. Г. Лазутин – четыре раза. П. Н. Кубаткин – три раза [19]. В связи с этим не вызывает особого удивления, что, наряду с выписками из публичных выступлений Кузнецова, единственными вещественными доказательствами, «изобличающими» его «антипартийную деятельность», стали приветствия и поздравления от «сообщников» с днями рождения, Новым годом, очередными годовщинами Октябрьской революции, Первомая (96 писем и телеграмм на 104 листах) [20].

С точки зрения руководителей, совместно выстоявших блокаду и не замышлявших ничего крамольного, такое поведение являлось естественным. Однако подобная активность не могла остаться незамеченной как со стороны искушенных в дрязгах большой политики соперников Кузнецова, так и самого Сталина, лишь укрепляя его подозрения в возможности заговора. Не приходится сомневаться: именно непрекращающиеся контакты «ленинградцев» с бывшими «шефами» позволили соперникам сыграть на сталинских фобиях и обвинить их во фракционности. И это притом, что хорошие личные отношения отдельных руководителей высшего и регионального уровней не являлись чем-то новым и сверхъестественным, и уж совсем необязательно они служили подтверждением их преступного сговора. В случае же с так называемой «ленинградской группой», чтобы избежать дальнейших перекосов, хватило бы одного сталинского внушения, то есть вождю следовало открыто обозначить позицию.

В процессе атаки на ленинградскую партийную организацию активно использовалась тема финансовых нарушений некоторых ее представителей в период проведения денежной реформы. Как справедливо заметил К. А. Болдовский, большинством населения, в том числе и номенклатурными работниками, реформа воспринималась

как очередная трудность, которую необходимо было пережить с минимальными потерями. По большей части выявлявшиеся в различных регионах страны нарушения были связаны с использованием чиновниками своего служебного положения. Руководители разных уровней вносили вклады в сберкассы деньгами старого образца уже после окончания отведенного на эту операцию времени. По данным, «приведенным в справке Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) от 30 марта 1948 г., «в нарушении закона о проведении денежной реформы были уличены 145 секретарей райкомов и горкомов партии» [21]. Естественно, Ленинградская область не стала счастливым исключением.

16 апреля 1948 г. Генеральный прокурор СССР Сафонов информирует секретаря ЦК Кузнецова о том, что исключенный из партии бывший первый секретарь Лужского райкома ВКП(б) М. Ф. Ополченный (после опубликования постановления о проведении денежной реформы Михаил Федорович оформил в сберегательной кассе вклады на общую сумму 30 000 рублей) был восстановлен в ее рядах Ленинградским обкомом. Заканчивает свое обращение Сафонов предложением привлечь Ополченного к судебной ответственности [22]. Разъяснив обстоятельства дела и учтя активное участие Ополченного «в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в тылу врага», Кузнецов принимает сторону Ленинградского обкома партии. В результате бывший комиссар Гдовского партизанского отряда ограничивается мерами партийного взыскания (строгий выговор с предупреждением) [23].

В целом, по утверждению К. А. Болдовского, «ни Ленинград, ни Ленинградская область не стали “лидерами” в части нарушений, допущенных при проведении реформы» (по данным МВД на 21 мая 1948 г., в списке регионов с наибольшим количеством финансовых преступлений Ленинградская область занимала 13-е место, значительно отставая от Москвы и Московской области). Однако, несмотря на более впечатляющие злоупотребления в других регионах, ленинградская парторганизация оказалась единственной в стране, по поводу работников которой было принято специальное решение секретариата ЦК. В конечном итоге «репутационные потери ленинградского партийного руководства оказались значительно существеннее, чем наказания провинившимся работникам» [24].

Российские ученые А. А. Данилов и А. В. Пыжиков также считают далеко не случайным столь пристальное внимание ЦК к финансовым нарушениям ленинградских чиновников. Историки обращают внимание и на то, что многие крупные недостатки в тех или иных сферах рассматривались и обобщались именно на материалах Ленинграда и его партийной организации [25].

С открытием архивных фондов стали известны разного рода жалобы, поступавшие в Москву, на одну из крупнейших партийных организаций страны. Знакомясь с их содержанием, Сталин просто не мог не усмотреть дерзкий вызов себе и созданной им системе. Например, 10 июля 1948 г., в день, когда ликвидируется возглавляемое Кузнецовым Управление кадров ЦК, а его оппоненту Маленкову фактически возвращают утраченное двумя годами ранее положение второго человека в партийной иерархии, министр Государственного контроля Л. З. Мехлис направляет в секретариат ЦК жалобу на Ленинградский горком. Вот ее содержание: «Товарищ Мехлис!

Прошу Вас ответить мне на следующий вопрос:

Издано много постановлений, и вышло последнее постановление о сокращении командировок и экономии средств. Насколько эти постановления обязательны для выполнения Ленинградским горкомом и его райкомов. Ведь они... прямо заставляют нас не выполнять постановления правительства.

У нас проходит все время эпоха мобилизации, и мало того, что систематически забирают людей с предприятий, заставляют им платить деньги. В Ленинграде настоящий произвол, здесь издаются свои законы. В текущем году прошло двадцать две мобилизации, причем значительная часть с выплатой денег за счет предприятий <...>

Вот и скажите, как нам выполнять советские законы или слушать и выполнять местные законы? Где мы живем – в советской стране или в обособленном государстве?» [26]

13 июля Кузнецов переправляет копию данной жалобы в Ленинград. 2 сентября в Москву приходит ответ. Из него следует, что по решению Ленинградского горкома в 1948 г. районными комитетами действительно направлялись рабочие с различных предприятий для постоянной работы на Кировском заводе, Метрострое и заводах тяжелого машиностроения, которым не выплачивались командировочные. Однако делалось это по предварительному согласованию с Советом Министров СССР и с его разрешения.

Подобные жалобы с поразительной точностью повторяли мысли Сталина в отношении руководителей города на Неве, которые тот неоднократно высказывал в узком кругу соратников. Так, еще 22 августа 1941 г. Сталин обвинил не всегда успевавших согласовывать свои действия с Москвой «ленинградцев» в том, что они «стали на путь непонятной самостоятельности», действуют «как на изолированном острове, ни с кем не считаясь» и нарушают «рамки нормальных взаимоотношений». Настоятельно требуя от Жданова не превышать больше полномочий и предварительно согласовывать все свои действия с Москвой, Сталин заключает: «Ленинград не Череповец или Вологда, это вторая столица нашей страны» [27]. Таким образом, плохо скрываемые «ленинградские фобии» вождя будут активно использоваться с целью дискредитации оппонентов и сыграют далеко не последнюю роль в уничтожении так называемой «ленинградской группы».

Для доказательства злоупотребления властью со стороны Кузнецова использовали любые его служебные недочеты. Например, посол СССР в КНДР Т. Ф. Штыков вспоминал, что, зайдя в декабре 1948 г. к Кузнецову, он застал его в расстроенных чувствах. Причиной стал казус с текстом отчетного доклада Попкова, подготовленного им к областной партийной конференции. Данный отчет обсуждался на секретариате ЦК, и по нему был сделан ряд критических замечаний. Сразу же после заседания Попков обратился к Кузнецову с просьбой помочь ему с редактированием текста доклада. Оказав помощь своему преемнику на посту руководителя Ленинграда, Кузнецов, не подозревая о последствиях, поведал Маленкову о проделанной вместе с Попковым работе над ошибками. Искушенный в аппаратных интригах Маленков не мог упустить такого шанса и при первом же удобном случае доложил Сталину о том, что Кузнецов проигнорировал замечания секретариата ЦК и внес в текст отчетного доклада Попкова собственную правку. Сталин тут же потребовал от Кузнецова объяснений [28]. Эту обидную для себя историю Кузнецов и поведал хорошо ему знакомому еще по совместной работе в Ленинградском обкоме Т. Ф. Штыкову.

Еще одним мотивом усиливающейся неприязни Сталина к Кузнецову вполне мог стать его открытый интерес к обстоятельствам убийства С. М. Кирова, неоднократные посещения его полупарализованной вдовы и помощь престарелым сестрам. Не говоря уже об упоминавшемся в ряде исследований внимании Кузнецова в бытность его куратором МГБ к материалам политических процессов 1930-х гг. [29] Перечисляя субъективные факторы, повлиявшие на возникновение «ленинградского дела», также следует учитывать историю с исключением из партии заместителя начальника Агит-

пропа (и по совместительству внебрачного сына Сталина) К. С. Кузакова, инициированную Кузнецовым и Ждановым осенью 1947 г. в пылу борьбы с остатками «маленьковщины» в аппарате ЦК [30].

Таким образом, одним из главных вызовов, увиденных Сталиным в действиях А. А. Кузнецова, П. С. Попкова и других фигурантов «ленинградского дела», стала их излишняя политическая самостоятельность. Оставаясь пламенными большевиками, «ленинградцы», сами того не замечая, оказались в авангарде процесса, который вел к появлению на политической арене руководителей нового формата, не нуждавшихся в мелочной опеке и способных на самостоятельные действия. На их горьком опыте Сталин стремился продемонстрировать всем остальным, что безграничная власть продолжит сосредотачиваться в Кремле, и только в его руках, но не растечется по новым центрам потенциальной силы и влияния.

Ссылки на источники

1. Павлов М. Ю. «Столбы подрублены, заборы повалятся сами»: Сталин, Жданов и ленинградская «антипартийная группа» // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – Краснодар: КубГАУ. – 2015. – № 08(112). – URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/08/pdf/78.pdf>.
2. Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 226–227.
3. Павлов М. Ю. Личные причины охлаждения И. В. Сталина к представителям «ленинградской группы» // Концепт. – 2015. – Спецвыпуск № 26. – ART 75355. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/75355.htm>.
4. Кутузов В. А. А. Жданов и постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Новейшая история России. – 2011. – № 1. – С. 151.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 639. – Л. 225.
6. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 2199. – Л. 28.
7. Столяров К. А. Палачи и жертвы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. – С. 52. Я. С. 130–131.
8. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 632. – Л. 104.
9. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 694. – Л. 1–2; 41; 126.
10. Амосова А. А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950. – СПб.: Алетейя, 2014. – С. 171.
11. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 659. – Л. 105–106.
12. Центральный архив ФСБ Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). – Ф. Р-241. – Д. 3017. – Т. 3. – Л. 17.
13. Амосова А. А. Указ. соч. – С. 176.
14. Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. – М.: АСТ CORPUS, 2015. – С. 384–385.
15. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 659. – Л. 100–103.
16. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 659. – Л. 78–97.
17. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 659. – Л. 66–67.
18. Павлов М. Ю. Великодержавный шовинизм или сталинские фобии? К вопросу о причинах уничтожения «ленинградской группы» // Клио. Журнал для ученых. – 2015. – № 8(104). – С. 100–108.
19. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 738. – Л. 1–31.
20. ЦА ФСБ РФ. – Ф. Р-241. – Д. 3017. – Т. 13. – Л. 108–229.
21. Болдовский К. А. Денежная реформа 1947 г. и ленинградский партаппарат // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 2013. – Вып. 4. – С. 175–184; 183.
22. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 696. – Л. 53.
23. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 696. – Л. 54.
24. Болдовский К. А. Указ. соч. – С. 175–184; 182–183.
25. Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 228.
26. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 659. – Л. 71–72.
27. Павлов М. Ю. Великодержавный шовинизм или сталинские фобии? К вопросу о причинах уничтожения «ленинградской группы». – С. 100–108; 105.

28. Россия. XX век. Документы. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Н. Ковалева, А. Коротков, С. Мельчин, Ю. Сигачев, А. Степанов. – М.: Международный фонд «Демократия», 1998. – С. 393.
29. Павлов М. Ю. А. А. Кузнецов и органы государственной безопасности: к вопросу о причинах возникновения «ленинградского дела» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 7(57): в 2 ч. Ч. 2. – С. 127–132; 128–130.
30. Павлов М. Ю. Личные причины охлаждения И. В. Сталина к представителям «ленинградской группы».

Mikhail Pavlov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the chair of Social and Human Sciences, Kuban State University, branch in Armavir, Armavir

kinpavlov@mail.ru

“Leningrad group” and infringement of the principles of Stalin's power

Abstract. The paper discusses mistakes of so-called Leningrad “anti-party group”, expressed in excessive political activity and independence of its individual representatives and included in dissonance with rigid principles of the Stalinist system of government.

Key words: A. A. Kuznetsov, P. S. Popkov, I. V. Stalin, G. M. Malenkov, “Leningrad group”, independence, repression.

References

1. Pavlov, M. Ju. (2015). “‘Stolby podrubleny, zabory povaljatsja sami’: Stalin, Zhdanov i leningradskaia ‘antipartijsnaja gruppa’”, *Politematicheskij setevoj jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, KubGAU, Krasnodar, № 08(112). Available at: <http://ej.kubagro.ru/2015/08/pdf/78.pdf> (in Russian).
2. Danilov, A. A. & Pyzhikov, A. V. (2001). *Rozhdenie sverhderzhavy: SSSR v pervye poslevoennye gody*, ROSSPJen, Moscow, pp. 226–227.
3. Pavlov, M. Ju. (2015). “Lichnye prichiny ohlazhdenija I. V. Stalina k predstaviteljam ‘leningradskoj gruppy’”, *Koncept*, specvypusk № 26. ART 75355. Available at: <http://e-koncept.ru/2015/75355.htm> (in Russian).
4. Kutuzov, V. A. (2011). A. A. “Zhdanov i postanovlenie CK VKP(b) o zhurnalakh ‘Zvezda’ i ‘Leningrad’”, *Novejshaja istorija Rossii*, № 1, p. 151 (in Russian).
5. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)*, f. 17, op. 121, d. 639, l. 225 (in Russian).
6. *RGASPI*, f. 17, op. 3, d. 2199, l. 28 (in Russian).
7. Stoljarov, K. A. (1997). *Palachi i zhertvy*, OLMA-PRESS, Moscow, p. 52. Ja, pp. 130–131 (in Russian).
8. *RGASPI*, f. 17, op. 121, d. 632, l. 104 (in Russian).
9. *RGASPI*, f. 17, op. 121, d. 694, l. 1–2; 41; 126 (in Russian).
10. Amosova, A. A. (2014). *Predannyj zabveniju: politicheskaja biografija Petra Popkova. 1937–1950*, Al-etejja, St. Petersburg, p. 171 (in Russian).
11. *RGASPI*, f. 17, op. 121, d. 659, l. 105–106 (in Russian).
12. *Central'nyj arhiv FSB Rossijskoj Federacii (CA FSB RF)*, f. R-241, d. 3017, t. 3, l. 17 (in Russian).
13. Amosova, A. A. (2014). Op. cit., p. 176.
14. Hlevnjuk, O. V. (2015). *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdja: biografija*, ACT CORPUS, Moscow, pp. 384–385 (in Russian).
15. *RGASPI*, f. 17, op. 121, d. 659, l. 100–103 (in Russian).
16. *RGASPI*, f. 17, op. 121, d. 659, l. 78–97 (in Russian).
17. *RGASPI*, f. 17, op. 121, d. 659, l. 66–67 (in Russian).
18. Pavlov, M. Ju. (2015). “Velikoderzhavnyj shovinizm ili stalinskie fobii? K voprosu o prichinah unichtozhenija ‘leningradskoj gruppy’”, *Klio. Zhurnal dlja uchenyh*, № 8(104), pp. 100–108 (in Russian).
19. *RGASPI*, f. 17, op. 121, d. 738, l. 1–31 (in Russian).
20. *CA FSB RF*, f. R-241, d. 3017, t. 13, l. 108–229 (in Russian).
21. Boldovskij, K. A. (2013). “Denezhnaja reforma 1947 g. i leningradsnij partapparat”, *Vestnik SPbGU*. Ser. 2, vyp. 4, pp. 175–184; 183 (in Russian).
22. *RGASPI*, f. 17, op. 121, d. 696, l. 53 (in Russian).
23. *RGASPI*, f. 17, op. 121, d. 696, l. 54 (in Russian).
24. Boldovskij, K. A. (2013). Op. cit., pp. 175–184; 182–183.
25. Danilov, A. A. & Pyzhikov, A. V. (2001). *Rozhdenie sverhderzhavy: SSSR v pervye poslevoennye gody*, ROSSPJen, Moscow, p. 228 (in Russian).

26. *RGASPI*, f. 17, op. 121, d. 659, l. 71–72 (in Russian).
27. Pavlov, M. Ju. (2015). “Velikoderzhavnyj shovinizm ili stalinskie fobii? K voprosu o prichinah unichtozhenija ‘leningradskoj grupy’”, pp. 100–108; 105 (in Russian).
28. Jakovlev, A. N., Kovaleva, N., Korotkov, A., Mel'chin, S., Sigachev, Ju. & Stepanov, A. (eds.) (1998). *Rossija. XX vek. Dokumenty. Molotov, Malenkov, Kaganovich. 1957. Stenogramma ijun'skogo plenuma CK KPSS i drugie dokumenty*, Mezhdunarodnyj fond “Demokratija”, Moscow, p. 393 (in Russian).
29. Pavlov, M. Ju. A. A. (2015). “Kuznecov i organy gosudarstvennoj bezopasnosti: k vo-prosu o prichinah vznikovenija ‘leningradskogo dela’”, *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, Gramota, Tambov, № 7(57): v 2 ch. Ch. 2, pp. 127–132; 128–130 (in Russian).
30. Pavlov, M. Ju. (2015). “Lichnye prichiny ohlazhdenija I. V. Stalina k predstaviteljam ‘leningradskoj grupy’”.

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
 главным редактором журнала «Концепт»



Поступила в редакцию <i>Received</i>	08.11.15	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	09.11.15
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	09.11.15	Опубликована <i>Published</i>	11.11.15

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2015
 © Павлов М. Ю., 2015